

Сэ Чанмин редко оказывался в столь неловком положении.

Когда он растил Сэ Сяоци, тот хоть и любил пошуметь, но Чанмин был образцовым хозяином: потакал Сяо Тумао во всём, так что подобных трудностей никогда не возникало. Даже если птенец всерьёз обижался и начинал капризничать, его всегда можно было задобрить сладкими плодами, самоцветами или жемчужинами ночного свечения. На крайний случай — если уж совсем ничего не помогало — оставалось ободрать хвост какой-нибудь другой духовной птице и подарить перья Сяо Тумао. Такого подношения хватало, чтобы тот радовался добрых полмесяца.

Хотя между Сяо Тумао и маленькой птицей Чанмин лежала пропасть, в их жилах текла одна кровь. Оба, по сути, оставались незрелыми птенцами. Следуя этой логике, Чанмин рассудил: методы, работавшие на Сяо Тумао, вполне можно опробовать и на Шэн Лююе.

Однако сейчас под рукой не было ни драгоценных камней, ни сияющих жемчужин. Сад духовных зверей находился неподалёку, и раздобыть перья редких птиц не составило бы труда, но у Шэн Лююя собственный хвост был настолько великолепен, что чужие украшения ему вряд ли требовались. Выходило, что в его распоряжении оставались только плоды.

Впрочем, многолетний опыт подсказывал Чанмину, что в подобных обстоятельствах едой делу не поможешь. Но и бездействовать нельзя. Стоило хотя бы попытаться.

Чанмин сорвал несколько плодов белого лотоса и семи бамбуков, очистил их с помощью простого заклинания, обсушил, снял кожицу и, разложив на широком листе, протянул Шэн Лююю.

Шэн Лююй по-прежнему сидел, прислонившись к стволу дерева и слегка склонив голову. Иссиня-чёрные волосы, растрепавшиеся во время недавней потасовки, закрывали половину лица. Он не двигался и не произносил ни звука, выражая безмолвный протест.

Плоды, принесённые Чанмином, были отборными — сочными, ароматными, аккуратно очищенными. Но юноша даже не взглянул на них. Словно и не он только что воровал чужой урожай, — сейчас в нём внезапно проснулась гордость.

Чанмин вздохнул. Как и ожидал, толку мало.

Вдруг Шэн Лююй прижал ладонь к лицу, его плечи мелко вздрогнули — он чихнул.

Без духовных сил этот вечно болезненный юноша превратился в беззащитного птенца. Даже прохладный ночной ветер в середине лета заставил его затрепетать, и он рисковал подхватить простуду.

Со стороны он выглядел на редкость жалко. Подумать только: сам пробрался в чужой сад, безуспешно пытался сбежать, теперь упрямится, а виноватым выглядит хозяин обобранных деревьев.

Чанмин попробовал другие способы. Вывел сияющие иероглифы из духовной энергии прямо перед его лицом — никакой реакции. Попытался заговорить — тот и ухом не повёл. Поди разбери, действительно ли он ничего не слышит или просто притворяется.

Чанмин оказался в тупике. Обычно проблемы решались двумя путями: либо договориться, придя к согласию, либо прикончить упряма, избавив себя от лишних разговоров. Сам Чанмин чаще прибегал ко второму способу, но сейчас этот вариант исключался.

И всё же, как бы ни хотелось уберечь этого напуганного, едва не плачущего птенца, позволять ему упрямиться дальше было нельзя.

Чанмин пристально посмотрел на юношу и сделал шаг вперёд. Теперь их разделяло меньше полушага.

Почувствовав столь близкое чужое присутствие, Шэн Лююй попытался отстраниться, намереваясь обогнуть ствол и скрыться на другой стороне дерева.

Но Чанмин не дал ему уйти. Наклонившись, он перехватил инициативу и крепко прижал запястье Шэн Лююя к шершавой коре.

Кожа Маленькой птицы Чанмин была невероятно нежной — его берегли как величайшую ценность. На ладонях же Чанмина темнели старые шрамы и мозоли от оружия; стоило сжать пальцы чуть крепче, и грубая кожа могла оставить ссадины на тонком запястье.

Шэн Лююй, только что казавшийся едва живым, взвился на дыбы, точно кот, которому наступили на хвост. Он рванул вверх, отчаянно пытаясь вырваться.

Но против грубой силы он был бессилен. Его ловили и сковывали барьером даже тогда, когда он обладал духовными силами. Теперь же, лишившись их, он не мог оказать сколь-нибудь серьёзного сопротивления. Его вялые попытки вырваться лишь оставили пару блёклых белых царапин на сильной руке Чанмина, удерживавшей его запястье.

Чанмин негромко усмехнулся. Склонившись ниже, он разглядел покрасневший от прохлады кончик носа Шэн Лююя, его сдвинутые к переносице брови и упрямо сжатые губы. Юноша выглядел смертельно обиженным, словно претерпел величайший позор, но не мог дать сдачи.

«С капризными птенцами суровость порой творит чудеса» — подумал Чанмин.

Он приблизился к самому уху Шэн Лююя и заговорил тихим, но отчётливым голосом, чтобы

этот полуглухой заморыш наверняка всё расслышал.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — негромко произнёс Чанмин. — И никакой Безмолвный дзен ты сейчас не практикуешь.

Он не стал объяснять, как догадался, просто констатировал факт. После короткой паузы добавил:

— Если и дальше будешь молчать, мне придётся разговаривать с тобой только так.

Его голос звучал спокойно, без явной угрозы, но сомневаться в его решимости не приходилось: если Шэн Лююй не заговорит, этот наглец исполнит обещанное.

Спустя мгновение Шэн Лююй медленно поднял голову и посмотрел на Чанмина — этого несносного человека, державшего его в плену. Сморщив нос, он с крайней неохотой выдавил:

— Отойди... Отойди дальше. Я не хочу так разговаривать.

Голос Шэн Лююя дрожал. Как бы он ни пытался скрыть это, дрожь выдавала его волнение. И Чанмин уловил этот едва различимый надрыв. Похоже, тот был готов расплакаться.

Чанмин помнил, что совсем недавно уже довёл птенца до слёз. Воспитывая молодняк, нужно знать меру в строгости. Нельзя постоянно давить силой: слабые создания легко запугать, поэтому после хорошей встряски их непременно нужно приласкать. Чанмин прекрасно помнил это золотое правило.

Он разжал пальцы. Сняв с плеча Шэн Лююя упавший волосок, Чанмин достал два духовных камня и набросал на них простейшие руны массива, а затем вложил этот волосок — по половине в каждый камень — и запечатал их внутри.

Этот массив он переделал на ходу из другого заклинания. Теперь два камня могли передавать голоса на расстоянии одной ли. По сути — бесполезная безделушка, но для Шэн Лююя она подходила идеально.

Чанмин бросил один камень юноше, а сам заговорил во второй:

— Слышишь меня?

Слегка усиленный звук раздался прямо из ладони Шэн Лююя. Вздвогнув от неожиданности, тот осторожно поднёс камень ближе к уху.

Чанмин вежливо поинтересовался:

— Могу я спросить молодого господина Шэна, зачем он посреди ночи явился, чтобы украсть... хм, то есть взять плоды из моего сада?

Услышав это, Шэн Лююй мгновенно позабыл о своём Безмолвном дзене. Посчитав себя глубоко оскорблённым, он тут же возразил:

— Я не крал!

Чанмин, разумеется, не поверил. Пойман с поличным, прямо на месте преступления — как ещё это назвать, если не кражей? Но раз уж он решил проявить терпение, то снисходительно произнёс:

— В таком случае, прошу молодого господина Шэна объясниться.

Шэн Лююй разозлился настолько, что от обиды даже начал заикаться:

— Я... я оставил камни! Много камней! Очень много!

Чанмин промолчал. Что-то он никаких камней не заметил.

«...»

Однако под обиженное бурчание Маленькой птицы Чанмин правда постепенно всплыла наружу.

Плоды в последние дни действительно забирал Шэн Лююй. Но всякий раз он оставлял взамен мешочек с духовными камнями. Судя по ценам в Павильоне сокровищ, этих камней с лихвой хватило бы, чтобы скупить весь урожай белого лотоса и семи бамбуков в этом саду. Вот только бросал он их прямо в густые заросли, а Чанмин никогда особо не ухаживал за деревьями, оттого ничего и не находил.

Выслушав сбивчивые объяснения, Чанмин подошёл к кустам семи бамбуков и действительно обнаружил там несколько пухлых мешочков, набитых камнями.

— Ну и кто из нас прав? — подал голос Шэн Лююй. — Стал бы я опускаться до воровства? Какая нелепость!

Едва почувствовав, что обвинения сняты, испуганный птенец, ещё минуту назад жалко жавшийся к дереву, мгновенно вернул себе былую спесь.

Чанмин взвесил мешочки на ладони. Чувства вины он не испытывал, но, взглянув на влажное пятнышко на Облачной дымке юноши, решил подыграть:

— Да, признаю свою ошибку. Мне следовало лучше осмотреть сад.

Шэн Лююй воодушевился ещё больше:

— Ты оклеветал меня! Опорочил моё имя!

— Я действительно виноват, — мягко продолжил Чанмин. — Пожалуйста, не плачь больше. У меня есть к тебе разговор.

От этих слов Шэн Лююй едва не подпрыгнул на месте, чуть не выронив духовный камень:

— Кто плачет?! Я не плачу! Я просто зол!

Словно боясь, что ему не поверят, он нетерпеливым жестом сдёрнул с лица Облачную дымку. Глаза его были плотно закрыты, длинные ресницы мелко подрагивали. Глазницы и впрямь оказались сухими, лишь у висков выступили бисеринки пота.

Говорили, что Облачную дымку ткут из неосязаемой материи, способной улавливать малейшие изменения температуры и влажности. Очевидно, ткань попросту впитала пот.

Чанмин ненадолго замолчал.

— Значит, не плакал? — с сомнением переспросил он.

Раз уж Безмолвный дзен всё равно был нарушен, терять Шэн Лююя было нечего. Без духовных сил он чувствовал себя беззащитным, но всё же гордо вскинул подбородок:

— С чего бы мне проливать слёзы из-за такой ерунды!

«Вон оно что. Не плакал, значит. Вообще» — подумал Чанмин.

Лицо Чанмина мгновенно утратило всякое выражение заботы, вернувшись к той же холодной мине, с которой он ловил воришку.

Шэн Лююй наивно полагал, что раз недоразумение улажено, Чанмин сейчас снимет барьер, покорно извинится и признает свою неправоту. Однако у того были другие планы.

— Маленькая птица Чанмин, — вкрадчиво произнёс Чанмин. — Знаешь ли ты поговорку: «Брат без спросу — значит воровать»?

— Что? — растерялся юноша.

Чанмин тонко усмехнулся и снисходительно пояснил:

— Это значит, что сделка считается честной только тогда, когда обе стороны о ней знают и согласны на её условия. Если бы мы договорились заранее, твои оставленные камни превратили бы это в обычное самоуправство. Но до сегодняшней ночи я даже понятия не имел, кто обносит мои деревья.

Придя к очевидному выводу, Чанмин подытожил:

— Так что да, это самая настоящая кража.

Шэн Лююй не до конца уловил суть юридических тонкостей, но инстинктивно запротестовал:

— Но ты только что говорил совсем другое!

Чанмин шагнул ближе и невозмутимо ответил:

— Я думал, ты ревёшь, вот и пытался тебя утешить.

Раз уж слёз не было, а юный господин успел изрядно загордиться, то и тратить время на утешения больше не имело смысла.

— Признаёшь свою вину? — спросил Чанмин.

С характером Шэн Лююя признать поражение было выше его сил. Он упрямо мотнул головой, отказываясь сдаваться.

Чанмин тяжело вздохнул и сокрушённо произнёс:

— Раз уж ты не хочешь по-хорошему, придётся позвать других, пусть они нас рассудят.

— Что?! — не поверил своим ушам Шэн Лююй.

— О том, что в Саду духовных растений завёлся воришка, уже знает половина школы. Старшие братья крайне возмущены этим безобразием. Раз уж ты не считаешь свой поступок кражей,

мне остаётся только рассказать им всё как есть. Пусть они решат, как назвать деяния одной Маленькой птицы Чанмин.

Он говорил буднично, упоминая старших братьев, кражу, суд и... птицу Чанмин. То есть его самого.

Внутри у Шэн Лююя всё похолодело от ужаса.

— Не смей никому рассказывать!

— М-м? — приподнял бровь Чанмин.

У Шэн Лююя голова пошла кругом. Он понурил голову и едва слышно пробормотал:

— Пожалуйста... не говори никому.

Глядя на присмирившего юношу, Чанмин понял, что настал идеальный момент для расспросов:

— Теперь я буду задавать вопросы. Отвечай честно и не вздумай лгать.

Раньше этот несносный тип ни за что не посмел бы разговаривать с ним в таком тоне. Шэн Лююй впервые в жизни столкнулся с жестокостью этого мира и осознал, какую огромную разницу играют фальшивые слёзы. Преодолев минутное замешательство, он едва заметно кивнул.

Даже самая благородная птица в мире вынуждена склонить голову, если её поймали на горячем.

— В самый первый раз, когда дерево обобрали дочиста, это тоже был ты? — спросил Чанмин.

— Нет, — уныло отозвался Шэн Лююй.

— Если не ты, то кто же? — строго прищурился Чанмин.

— Действительно не я! — в голосе юноши зазвучала неподдельная обида.

Строго говоря, Шэн Лююй не лгал. Первую кражу совершил А-Цзю — воплощение его собственного божественного сознания. С тех пор как Шэн Лююй прибыл в Академию Лулинь, он питался исключительно Пиллюлями Отречения от Пищи и не испытывал никаких неудобств. Но А-Цзю подчинялся лишь первобытным инстинктам и не желал мириться с подобным рационом. Однажды, воспользовавшись тем, что хозяин ушёл на занятия, он выскользнул из

покоев, набрёл на Сад духовных растений и в один присест уничтожил весь урожай с целого дерева.

Обнаружив это, Шэн Лююй устроил прожорливому А-Цзю строгий выговор. Спустя пару дней, решив, что шум поутих и сад никто не охраняет, он взял с собой духовные камни и отправился на место преступления, чтобы возместить ущерб хозяину деревьев.

Но, глядя на спелые плоды и вспоминая вкус, который он мельком ощутил через ментальную связь с А-Цзю, юноша не сдержался. Ему захотелось попробовать их самому, без всяких посредников.

Так он обобрал ещё половину дерева.

Выслушав исповедь, Чанмин сухо заметил:

— Значит, так и начался твой путь порока?

Шэн Лююй уже понял, что перед ним бездушный и холодный человек, которого ничем не тронуть. Он даже не стал спорить, лишь угрюмо мотнул головой в знак несогласия.

Не получив ответа через камень, Чанмин перевёл взгляд на юношу. Без поддержки духовной энергии и навыков боевых искусств Маленькая птица Чанмин сейчас напоминала беспомощного слабака. У него не хватало сил даже на то, чтобы держать духовный камень на весу. Упёршись локтем в колено, он придерживал камень ладонью и склонил голову, прижавшись ухом к холодной грани, лишь бы сбросить остатки сил.

Чанмин нахмурился и заговорил заметно тише:

— Не прижимай духовный камень вплотную к уху. Пожалей слух.

Он и без того был наполовину глух. Если не беречь себя, то со временем можно и вовсе лишиться слуха.

Шэн Лююй слегка отодвинулся, будто проигнорировав заботу. Ему мало того, что приходится отвечать на допрос, так этот зануда ещё поучает его, как слушать? Но юноша упрямо остался в прежней позе.

Это было его крошечное, безмолвное и бессмысленное сопротивление. Последняя крупца достоинства божественной птицы.

Чанмин понаблюдав за ним какое-то время, но вмешиваться не стал. Это не его птенец, чтобы воспитывать его по каждому поводу.

Единственное, что его сейчас волновало — это поиски Сэ Сяоци.

Вернувшись к делу, Чанмин спросил снова:

— Так ты признаёшь, что совершил ошибку?

Шэн Лююй окончательно оставил попытки сопротивляться и после короткого колебания кивнул.

— Дело пустяковое, незачем знать о нём посторонним, — спокойно произнёс Чанмин. — Если согласишься на мою просьбу, я не только забуду о пропавших плодах, но и отдам тебе все оставшиеся на ветках.

И добавил:

— А если тебе понадобится моя помощь в чём-то другом, я тоже не откажу.

Он аккуратно забрасывал наживку, намереваясь поймать в свои сети этого изнеженного, гордого и в то же время невероятно наивного птенца — Маленькую птицу Чанмин.

Как и следовало ожидать, Шэн Лююй заглотнул приманку.

— Что за просьба? — невольно вырвалось у него.

— Помоги мне отыскать птицу, — ответил Чанмин. — Моего птенца.

<http://bllate.org/book/18249/1750597>